

Е. Н. Наземцева,
кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИВИ ВАГШ ВС РФ

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье представлены основные направления современной отечественной историографии Первой мировой войны, охарактеризованы актуальные тенденции и подходы, выявлена специфика исследований, касающихся гуманитарных последствий войны: плена, дезертирства, беженства, продовольственных проблем, психологических потрясений и связанных с ними психопатологий широких масс и трансформации менталитета бывших солдат и офицеров и общества в целом. Показано значение провинции Российской империи в Первой мировой войне. Особое внимание автора уделено влиянию гуманитарных проблем на общественно-политическую ситуацию в России в 1914–1918 гг., их роли в революционных потрясениях, крушении Российской империи, установлению в стране новой власти и образованию Советского государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, историография, концепции, военная антропология, повседневность, военные действия, менталитет, плен, дезертирство, беженство, психоз, психопатологии, мобилизация, провинция, революции.

N. A. Nazemtseva

HUMANITARIAN ISSUES OF THE WORLD WAR FIRST IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary: The article deals with the main directions of modern Russian historiography of WWI, characterizes up-to-date trends and approaches and reveals the specific nature of researches concerning humanitarian consequences of war such as captivity, desertion, displacement of people, food problems and mental shocks which resulted in various psychopathologies of human masses and mental transformations of former soldiers and society as a whole. The author highlights the importance of Russian Empire's province in WWI and its role in the following solution of humanitarian consequences of the war. The author pays particular attention to the impact of humanitarian problems on the social and political situation in Russia in 1914–1918, establishment of bolshevik rule and formation of the Soviet Union.

Keywords: WWI, historiography, conceptions, regional studies, military anthropology, daily life, warfare, mindset, captivity, desertion, displacement of people, mental affection, psychopathology, mobilization, province, revolution.

История войны — это история тех людей, которые ее вели.

*Беккер Ж. Ж. Новое в изучении истории
Первой мировой войны во Франции
(«Новая и новейшая история», № 2 1999 г.)*

Современный этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к исследованию проблемы «человек и война». Она рассматривается в контексте социальной истории, военно-исторической антропологии, военной социологии, военной психологии и т. д. Это свидетельствует о том, что антропологизация и гуманизация, характерные для научного знания последних 15–20 лет, не обошли стороной и военную сферу. Ученые все чаще обращают внимание на человеческие аспекты войны и военного дела.

Подход к «человеческому измерению» войн и вооруженных конфликтов является принципиально новым для отечественной историографии. Это объясняется, с одной стороны, общественными изменениями; с другой — влиянием на российскую историографию новых тенденций мировой исторической науки. Теоретические вопросы, касающиеся темы человека на войне, отражены в работах Е. С. Сеньявской, В. А. Шнирельмана, А. И. Першица, Ю. И. Семенова, А. М. Беляева, В. Н. Ведерникова, В. Н. Помогайбина, В. И. Бажукова и др.¹

Спектр вопросов, касающихся гуманитарной составляющей войн и получивших освещение в современной отечественной историографии Первой мировой войны, весьма широк: трансформация менталитета, специфика военной повседневности, роль социальных групп, национальных меньшинств в общественных и политических процессах периода войны и послевоенного времени². Все они в той или иной

---

¹ *Сеньявская Е. С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. М., 2002; *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // *Першиц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А.* Война и мир в ранней истории человечества : в 2 т. Т. 1 : Введение. Война как предмет исследования. М., 1994. *Беляев А. М.* Генезис метода военной социологии на рубеже XIX–XX веков. М., 2002; *Ведерников В. Н.* Военная социология: Вопросы теории, методологии, истории и практики. М., 1994; *Помогайбин В. Н.* Военно-психологические исследования: методологические основы. М., 2001; *Белик А. А.* Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. М., 2005; *Бажуков В. И.* Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Армия и общество. 2008. № 3.

² *Завадский Н. Г.* Испытание войной: российское студенчество и политические партии в 1914 — февраль 1917 г. СПб., 1999; *Поршнева О. С.* Мента-

степени касаются тяжелых гуманитарных последствий, вызванных мировым конфликтом: плена, дезертирства, беженства, голода, психологического шока, последующей за ним депрессии, причем как общественной, так и индивидуальной. Всё это привело к общественным сдвигам и масштабным политическим кризисам, изменившим мир.

Изучение гуманитарных последствий Первой мировой войны позволяет составить комплексное представление о ее влиянии на общество, охарактеризовать те структурные изменения, к которым она привела, выявить их причины, понять последствия мировой катастрофы.

Одной из главных проблем в этом контексте является плен. Она весьма широко представлена в современной отечественной историографии Первой мировой войны³. Концептуальную основу большинства исследований составляет методология современной повседневной истории (нем. *Alltagsgeschichte*). Особое место принадлежит работам, авторы которых рассматривают проблематику плена в рамках регионалистики или локальной истории (*local history*).

литет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918). Екатеринбург, 2000; *Бибин М.А.* Совет объединенного дворянства в период Первой мировой войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2002; *Борщукова Е.Д.* Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: проблемы статуса и власти : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; *Черниловский А.А.* Первая мировая война в сознании военной элиты России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 — март 1918 г.). М., 2006.

³ *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2004; *Талалин А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 — май 1918 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Гергишева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; *Гуцин Ф., Жебровский С.* Пленные генералы российской императорской армии (1914–1917). М., 2010; *Нагорная О.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). М., 2010; *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой: пленные, дезертиры, беженцы. М., 2011.

С точки зрения повседневной истории к проблеме плена обращается О. С. Нагорная. В основе ее концепции — категория *опыта*, которая объединила три тематических направления исследования: пространство опыта плена и факторы его формирования, непосредственное переживание плена, индивидуальную и институциональную переработку опыта.

Такой подход, а также широкий круг неопубликованных источников и новая методология обусловили соответствующие выводы, во многом изменившие принятые ранее в обществе и отечественной историографии представления о данном вопросе: показаны история «маленького человека», его переживания при столкновении с чужой культурой, лагерный быт, взаимоотношения внутри сообщества пленных, реакция на политические потрясения в Европе. Лагерь рассматривается как символ XX столетия, ведь именно с началом Первой мировой войны он превратился в «неотъемлемое средство ведения военных действий»⁴. Особенность лагерей Первой мировой войны заключалась в том, что они соединили в себе традиции предыдущей эпохи (стремление стран-участниц соответствовать образу цивилизованного государства, уважительное отношение к военной элите противника, проницаемость границы между лагерем и его окружением) и новые радикальные тенденции (репрессии, принудительный труд, национальная и политическая агитация)⁵.

Посвящая свое исследование русским военнопленным, оказавшимся в Германии, О. С. Нагорная рассматривает их в большей степени не как объект насилия, что ранее было общепринятой историографической тенденцией, а как «действующих субъектов, соопределивших облик лагерной системы и опыт заключения»⁶.

Изучение опыта русских военнопленных О. С. Нагорной показало, что сложившиеся отношения внутри сообщества не следует характеризовать как «лагерное товарищество». Наоборот, в ходе длительного заключения возникли многочисленные линии размежевания, бытовые, национальные и политические конфликты. Лагерный опыт приводил к выработке необходимых форм восприятия, толкования и конструирования окружающей действительности, таких как пассивное приспособление, скрытое и открытое сопротивление, новые каналы и приемы

⁴ Нагорная О. С. Указ. соч. С. 395.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Там же.

коммуникации, специфический вариант «народной религиозности» и лагерные мифологемы⁷.

Необходимо также отметить, что военный плен для русских в Германии стал своеобразным фактором эмансипации, трансформации сложившихся и выработки новых поведенческих моделей. Однако этот опыт не пригодился тем из них, кто вернулся в Россию. Необратимость изменений их менталитета оказалась практически непреодолимым препятствием для дальнейшей интеграции в послереволюционные условия уже нового государства. Советской власти не удалось использовать военный и профессиональный потенциал бывших русских военнопленных Великой войны⁸, что, в свою очередь, навсегда отодвинуло их в разряд «нежелательных чужих» в формирующемся советском обществе.

Таким образом, рассмотрение плена с точки зрения категории опыта позволило показать психологические особенности русских военнопленных в Германии, специфику их менталитета в условиях несвободы, а также влияние приобретенного за время плена опыта на дальнейшее их существование в послевоенном мире.

Количество русских солдат и офицеров, оказавшихся в плену, было огромным. Значительным было и дезертирство. К проблеме пленных как к гуманитарной катастрофе для России подходит М. В. Оськин⁹.

Пытаясь выявить причины высокой численности пленных и дезертиров, он не придерживается какой-либо конкретной методологии и концептуальной основы, балансируя на грани между классическим позитивизмом и широко распространенной в современной постсоветской историографии исторической публицистикой. Тем не менее закономерное в этом случае применение компаративного анализа позволило исследователю прийти к весьма критическим выводам относительно положения русской армии и выявления причин массового дезертирства и сдачи в плен. По его мнению, такими причинами являлись устаревшие стратегия и тактика высшего генералитета, низкий уровень дисциплины и организованности, высокая коррупция среди тыловых

---

⁷ *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 397.

⁸ Там же. С. 399.

⁹ Он приводит следующие цифры: 2,5 млн пленных военнослужащих, около 1 млн т. н. гражданских пленных, 200 тыс. дезертиров, 5 млн беженцев (*Оськин М. В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные, дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 417).

и интендантских служб, демократизация армии. Таким образом, он обвинил в развернувшемся глубоком кризисе и военных поражениях «царизм как таковой»¹⁰.

В результате «русский солдат стал заложником» общей неготовности страны к войне, военной бездарности ряда представителей высшего командного состава, особенно в первый период конфликта, стремления решать возникшие по вине верховной власти негативные проблемы оборонного значения солдатской кровью, многовековой привычки командования российскими вооруженными силами воевать не умением, а числом¹¹.

Подобного плана выводы в значительной степени перекликаются с оценками, характерными для советской историографии, в которой Первая мировая война рассматривалась исключительно как иллюстрация кризиса царского режима.

Достаточно новая для российской историографии Первой мировой войны тема иностранных военнопленных на территории Российской империи получила отражение в отечественной регионалистике, поскольку именно в краевых и областных архивах отложились уникальные материалы, свидетельствующие о жизни и быте военнопленных австрийской и германской армий, оказавшихся, например, на территории Сибири и Дальнего Востока¹². Они воссоздают весьма неоднозначную картину существования иностранных военнопленных в специфических для бывших германских и австро-венгерских военных обстоятельствах: природно-климатических, национально-культурных и политических.

Концептуальную основу большинства исследований, представляющих современную отечественную регионалистику в изучении проблем иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Российской империи и впоследствии Советской России, составляют преимущественно идеи и методология новой локальной истории (*new local history*). Такой подход способствует выявлению особенностей политического, экономического, социального и культурного развития конкретного региона Российской империи, определивших положение

¹⁰ Оськин М. В. Указ. соч. С. 418.

¹¹ Там же. С. 426.

¹² Гергулева А. И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004.

иностранных военнопленных и особенности их адаптации к специфическим условиям российской действительности 1914–1922 гг.

Например, А. И. Гергилева, подробно разбирая понятие «военного плена», особенности международного права, российского законодательства, освещает экономическую и идеологическую политику официальных властей России в отношении военнопленных, рассматривает их взаимоотношения с представителями сибирской общест­венности, характеризует влияние революций 1917 г. на положение военнопленных и изменение законодательства в их отношении, особенности жизни во время Гражданской войны и последующую репатриацию.

Она приходит к неутешительному выводу о том, что, несмотря на попытки стран решить проблемы мира, определить и установить нормы войны, в условиях военных реалий принципы гуманизма опускались из виду и на первый план выходили задачи стратегического характера¹³.

Одной из важнейших проблем при изучении вопроса об иностранных военнопленных на территории России, безусловно, является проблема их численности и состава. На примере сибирской действительности исследовательница показывает несовершенство учета военнопленных в России в целом, также отмечая, что российское законодательство не подразумевало учет их этнической принадлежности. Военнопленных условно именовали «германские и австрийские плен­ные», хотя они составляли пестрый этнический конгломерат. Между тем это сыграло отрицательную роль впоследствии — во время Гражданской войны.

А. И. Гергилевой вскрыт комплекс причин, характеризующих противоречивость российской политики в отношении иностранных военнопленных и связанных с этим проблем: несовершенство двухступенчатой системы регистрации военнопленных на уровне штабного начальства и ведомств, в которых находились военнопленные, что не позволяло определить их точное количество¹⁴; необдуманная политика центрального руководства, а также подведомственных ему должностных учреждений в деле организации размещения и условий содержания военнопленных на территории Сибири¹⁵. Следствием

---

¹³ Гергилева А. И. Указ. соч. С. 102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 103.

стали нехватка общественных зданий для их размещения, распространение заразных заболеваний среди местного населения и т. д.¹⁶

Позднее ситуация осложнилась тем, что на территории Сибири не действовали международно-правовые соглашения, касающиеся военнопленных, которые были подписаны с рядом стран уже советским правительством¹⁷.

В ходе изучения жизни иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Сибири А. И. Гergiлева приходит к выводу о возможности проследить своеобразную эволюцию «антигуманности», обозначившуюся в одной эпохе и так масштабно проявившуюся в другой: опыт лагерей для военнопленных Первой мировой войны с широким применением дешевой рабочей силы впоследствии при строительстве концентрационных лагерей с обязательным использованием в них принудительного труда заключенных учло советское правительство¹⁸.

Ситуация на Дальнем Востоке была похожей, о чем свидетельствуют выводы Т. Я. Иконниковой. В то же время она обращает внимание на полиэтничность конгломерата иностранных военнопленных на территории России в целом и на Дальнем Востоке в частности, отмечая противоречивость отношения военнопленных к событиям в России, связанным с Гражданской войной: политическую индифферентность одних и вовлеченность в них других. Определяющим фактором для бывших германских и австро-венгерских военных при попадании их в водоворот политических и социальных сдвигов, разразившихся в России, по ее мнению, стали именно укоренившиеся веками этнические противоречия, которые приводили к параллельному выяснению отношений друг с другом¹⁹.

Исследование гуманитарных последствий Первой мировой войны с точки зрения современной регионалистики обусловило обращение исследователей к изучению роли тыла и в целом российской провинции в Первой мировой войне²⁰.

¹⁶ *Гergiлева А. И.* Указ. соч.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ Там же. С. 104.

¹⁹ *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. С. 165.

²⁰ *Иконникова Т. Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; *Смирнова А. М.* Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны: июль 1914 — июнь 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Петровицева Е. М.* Земства Центральной России в период Первой мировой

Изучение данной проблемы имеет особое значение, поскольку провинция «несла основное бремя тяжести по выполнению мобилизационных кампаний, снабжению армии вооружением и продовольствием, обеспечению приема раненых, военнопленных, беженцев»²¹. В тылу наиболее ярко проявились масштабы гуманитарных проблем, вызванных войной, и противоречивость государственной политики в их решении. Проблемы нарастали как снежный ком: общее отступление армии вызывало панику и осуждение правящих верхов со стороны широких кругов общества. Местная власть предпринимала попытки регулировать ситуацию, однако это не всегда удавалось.

войны. М., 2001; *Посадский А. В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002; *Голубин Р. В.* Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003; *Гущин Ф. А.* Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны: на материалах Нижнего и Среднего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003; *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004; *Аленина Е. В.* Тамбовское земство в годы Первой мировой войны: 1914–1918 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; *Ваганова Л. В.* Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; *Ерёмин И. А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005; *Полуаршинов А. В.* Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; *Салова С. В.* Буржуазия России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. Самара, 2005; *Шишкина С. Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень, 2006; *Белов С. Б.* Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916). Взгляд из Нижнего. Нижний Новгород, 2008. Кн. 1; *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008; *Черетица В. Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских лиц и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Минск, 2009; *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; *Магомедов Р. Р.* Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012; и др.

²¹ *Ерёмин И. А.* Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 8.

В этом отношении показательна работа Е. М. Петровичевой, в которой освещен уникальный опыт деятельности российских земств по снабжению фронта и обеспечению тыла²². Основываясь на анализе широкого круга источников, она показала, что правительство весьма активно привлекало земства к решению важнейших задач. В то же время автору удалось показать нарастание конфронтации между земской общественностью и властью, а также рост оппозиционных настроений в земской либеральной среде, что в условиях тягот и лишений, испытываемых народом в период военного лихолетья, сыграло роковую роль и привело монархию к гибели. Таким образом, правительство «недооценивало важность общественной психологии, не видело необходимости в формировании общественного мнения и влияния на него. Правительственный аппарат плохо пользовался гласностью и печатным словом; хотя в то время, особенно в условиях войны, ни одно правительство не обходилось без умелой и даже усиленной пропаганды»²³.

В результате в условиях крайней дискредитации власти, народ, уставший от тягот войны, совершил революцию и сверг существующий строй. Развитию событий по такому сценарию в значительной степени способствовала позиция земской общественности, вставшей на путь борьбы с властью. Эту борьбу общественность выиграла, но за гибелью думской монархии последовала и гибель земства²⁴.

Комплекс проблем, связанных с гуманитарными последствиями Первой мировой войны, на примере Томской губернии рассмотрел И. А. Еремин. Он отметил единство усилий правительства, региональных властей и общественности, которое проявилось в деле снабжения армии, в ходе мобилизационных кампаний, помощи семьям лиц, мобилизованных на военную службу, а также раненым, беженцам и всем пострадавшим от войны²⁵.

В то же время он не отрицает противоречивости государственной политики, которая заключалась, например, в ограничении деятельности военно-промышленных комитетов, игравших огромную роль в тылу²⁶; также обращает внимание на такие полярные проявления от-

---

²² *Петровичева Е. М.* Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.

²³ Там же. С. 105.

²⁴ Там же. С. 108.

²⁵ *Еремин И. А.* Указ. соч. С. 273.

²⁶ Там же.

ношения к военной службе, проявившиеся во время войны, как добровольческое движение и дезертирство, отметив, что добровольческое движение было характерным лишь для первого года войны, затем оно быстро угасло, ему на смену пришло массовое дезертирство, рост которого к 1917 г. достиг угрожающих масштабов²⁷.

Рассматривая положение сибирской провинции в годы войны, И. А. Еремин не мог не обратиться и к вопросам, касающимся беженцев и иностранных военнопленных. Появление в сибирских губерниях, в том числе в Томской, десятков тысяч вынужденных мигрантов-беженцев и военнопленных, по мнению исследователя, стало серьезной гуманитарной проблемой. Прежде всего надежды на беженцев, возлагаемые на них местным руководством, не оправдались: они не сыграли заметной роли в развитии экономики региона. Местные крестьяне предпочитали труду беженцев более дешевый труд военнопленных. В результате без средств к существованию оставались тысячи людей, прибывшие в совершенно чуждые условия. Правительственные же пособия обрекали их на нищенское существование²⁸.

Проблемы тыла на примере Дальнего Востока рассматривает Т. Я. Иконникова²⁹, отмечая особое влияние событий Первой мировой войны на положение в регионе. Серьезной проблемой здесь стала нехватка рабочих рук. Однако ее решение имело свои особенности: «мобилизации мужчин трудоспособных возрастов свели почти на “нет” прежние титанические усилия по заселению Приамурского края. Это вызывало необходимость привлечения “желтого труда”, а также таких нестандартных источников трудовых ресурсов, как вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные. Но наличие беженцев и здесь не могло решить проблемы, так как они рассматривали свое пребывание в крае как кратковременное и не желали работать “по разнарядке”. Уже с 1916 г. они частично добились разрешения выехать в другие губернии России»³⁰.

Единственным выходом оставалось привлечение «желтого труда», однако решение проблемы нехватки рабочих рук за счет привлечения мигрантов из Китая осложнило политическую ситуацию на Дальнем

²⁷ Еремин И. А. Указ. соч. С. 274.

²⁸ Там же. С. 275.

²⁹ Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999.

³⁰ Там же. С. 361.

Востоке, поскольку происходившее в связи с этим изменение этнической картины привело к утрате Российской империей своих позиций в этом важном с точки зрения стратегических интересов регионе. Возвращать их пришлось уже советской власти.

Вклад российской провинции в процесс перестройки жизни страны на военный лад рассматривается И. Б. Беловой. На примере Орловской губернии она характеризует особенности хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни провинции и приходит к выводу, что ситуация в провинции, вызванная тяготами военного времени, до февраля 1917 г. не носила катастрофического характера³¹. Однако она отмечает кризисные явления в организационной системе местной власти и противоречивость государственной политики в решении социально-экономических проблем, например при организации продовольственного снабжения.

Продовольственный вопрос стал одной из ключевых проблем Первой мировой войны. На примере Южного Урала его рассмотрел Р. Р. Магомедов³². Определив отношение крестьян-хлебодержателей к продовольственным мероприятиям царского и Временного правительств, соотношение частнособственнических интересов и национально-государственных приоритетов в сознании крестьянских масс, пути и методы осуществления хлебозаготовительных кампаний, он обратил внимание на то, что Россия вступила в войну, имея лишь государственные продовольственные запасы для армии в объеме, необходимом на период мобилизации войск и ведения боевых действий в первые месяцы войны. Более того, в российской армии до войны не существовало системы централизованного снабжения продовольствием. Воинские части осуществляли продовольственные закупки самостоятельно³³.

Систему продовольственного обеспечения не удалось наладить вплоть до начала Февральской революции. Между тем в аграрном секторе экономики, от уровня развития которого зависела продовольственная безопасность страны, катастрофического спада не произошло. Хлебные ресурсы страны были достаточными для того, чтобы обеспечить потребности армии и населения потребляющих регионов в продовольствии.

---

³¹ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М., 2011. С. 78.

³² Магомедов Р. Р. Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012.

³³ Там же. С. 149.

Следовательно, делает вывод исследователь, продовольственный кризис, разразившийся в годы войны, не являлся следствием исключительно объективных факторов, а был результатом воздействия субъективных причин, т. е. неспособности царского правительства наладить четко отрегулированный механизм продовольственного обеспечения страны в условиях войны³⁴.

Таким образом, война обнажила глубокие недостатки системы организации власти Российской империи, которые усугубили тяжелые гуманитарные последствия Первой мировой войны.

Взгляд через призму локальной истории позволил А. В. Посадскому, опираясь на материалы Саратовской губернии, исследовать процесс всеобщей мобилизации и его влияние на настроение крестьянства России.

Новые материалы и исследовательские подходы привели к выводу о противоречивости механизма взаимодействия народа и власти в России. Основываясь на теории функционального внутриэтнического конфликта, предложенной С. В. Лурье, А. В. Посадский считает, что внутриэтнический конфликт с заданным алгоритмом протекания заложен в саму структуру «центральной зоны» культуры русских, задан этническими константами и является структурообразующим (а не ситуативным) для каждого случая их этнической самоорганизации³⁵.

На уровне ментальной характеристики у русского народа существовала «своя» государственная логика, базировавшаяся на комплексе представлений о настоящем православном царстве и соответственно о должном поведении власти предрежащей. Принципиально конфликтный механизм взаимодействия народа и власти в России определял жесткий, провоцирующий характер «испытания» власти на прочность, своего рода завышенные требования к ней. Соответственно проблему, проявленную мобилизацией, можно усмотреть в органичном соединении целенаправленных централизованных усилий государства и низовой, прежде всего крестьянской, самоорганизации, корректирующей и дополняющей их. Если организационные усилия «сверху» неадекватны (т. е. крестьянин видит леность, равнодушие, нерачительность, нецелесообразность, с его, крестьянской, точки зрения), то и сама крестьянская самоорганизация имеет большие шансы пойти по негативному

---

³⁴ Магомедов Р. Р. Указ. соч. С. 151.

³⁵ Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 147.

пути. Если же крестьянин видит «сверху» распорядительность и самоотвержение, то даже весьма болезненные накладки преодолеваются с помощью самих крестьян и не приводят к катастрофе³⁶.

Несмотря на то что мобилизация проходила при общем подъеме, она вызвала «гигантское перенапряжение инфраструктуры и значительное количество частных беспорядков. В 1917 г. стихийная (а затем и плановая) демобилизация стала сильным революционным фактором»³⁷.

Таким образом, общая мобилизация в конкретно-исторических условиях России выступила своего рода индикатором как настроений крестьянской массы и ее восприятия «большого мира» и государственных задач, так и управленческого потенциала власти и основных точек социальной и иной напряженности.

По мнению другого исследователя — О. С. Поршневой, произошла так называемая «десакрализация монархической власти при сохранении в менталитете крестьян архетипической основы воссоздания культа верховного правителя, которая в новых условиях, после Февраля 1917 г., трансформировалась в вождизм, опирающийся на революционную харизму, высшие ценности социальной справедливости»³⁸.

В своем исследовании О. С. Поршнева применила социокультурный подход к комплексному изучению менталитета и социального поведения наиболее многочисленных слоев российского общества — «народных низов» — в один из самых драматических периодов истории. Это позволило ей прийти к выводу о глубоком социокультурном расколе, существовавшем в российском обществе в начале XX в., порожденном модернизацией, с одной стороны, и запаздыванием в проведении необходимых социально-политических преобразований — с другой, что в конце концов привело к обострению общественных противоречий. Предотвратить революционный взрыв, по мнению О. С. Поршневой, могли только постепенные структурные реформы, однако «трагическим поворотом для страны» стала именно Первая мировая война, поскольку она перечеркнула перспективы мирного эволюционного развития России³⁹.

³⁶ Посадский А. В. Указ. соч. С. 156.

³⁷ Там же. С. 145.

³⁸ Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 261.

³⁹ Там же. С. 260.

Кроме того, социокультурный раскол свидетельствовал о духовной неготовности России к войне. На момент начала войны не существовало единых представлений об интересах страны, которые могли обеспечить устойчивую морально-психологическую и идейно-политическую консолидацию населения⁴⁰.

Ситуацию усугубила выработка милитаризованного сознания, что привело к ожесточению многомиллионной массы людей и девальвации ценности человеческой жизни. Кроме того, девальвированными, по мнению О. С. Поршневой, оказались и христианские этические нормы и ценности, которые могли бы препятствовать милитаризации сознания. Однако поскольку они существовали в сознании солдат — вчерашних крестьян — «преимущественно в форме бытовой обрядности», этого не произошло. Напротив, к жизни был вызван «психологический механизм эскалации ненависти низов по отношению к классовым врагам». Это привело к трансформации крестьянского менталитета, изменению психологии солдатской массы и психологии общества в целом и в конечном счете — к распаду государства.

Таким образом, применение социокультурного подхода показало влияние совокупности сложных общественно-политических и культурных условий, сложившихся в Российской империи в начале XX в., на изменение менталитета и поведения рабочих, крестьян и солдат, а также способствовало определению значения психологической составляющей отдельного субъекта в происходивших социальных процессах. Произошедшая в результате Первой мировой войны «ментальная эволюция» привела к смене социокультурной среды, выразившейся в революциях и последующей Гражданской войне.

Одной из серьезных проблем гуманитарного плана, возникших в период Первой мировой войны и повлиявших на послевоенную ситуацию, являлось изменение психологического состояния широких масс населения, развитие психозов, неврозов, депрессии, агрессивного поведения и т. д. Вопросам психологии войны, в том числе Первой мировой, сегодня уделяется значительное внимание⁴¹.

---

⁴⁰ Поршнева О. С. Указ. соч. С. 261.

⁴¹ Караянни А. Г. Психология войны: постановка проблемы с позиции военно-исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 38–50; Астахов А. Б.

Исследователи приходят к выводу, что адекватное понимание феномена войны возможно при применении теоретико-методологических конструкций современной конфликтологии и психологических концепций межгрупповых отношений⁴². В связи с этим одним из ключевых подходов к изучению психологии войны является так называемый межгруппоционный подход. Именно в его основе лежит изучение социально-психологических явлений при определении причин конфликтов и войн.

Одна из первых попыток осмысления философских и психологических аспектов Первой мировой войны в постсоветский период была предпринята на научной конференции «Первая мировая война: история и психология»⁴³. На ней поднимались вопросы необходимости изучения *человеческого* измерения Великой войны, ее психологических последствий, морально-психологического состояния русской армии, формирования образа врага и т. д.

Трагедия Первой мировой войны с точки зрения ее влияния на психологию масс состояла в том, что она «разорвала культурно-историческую континуальность цивилизации и миропорядка. Спровоцированные ею процессы породили ощущение, что культура перешла в некую особую фазу бытия. Эти ощущения вызвали мощную волну социально-философских исканий, которые попытались рационализировать эти ощущения, выявить ту неведомую реальность, которая их породила

Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 268–281; *Котылов Н. А.* Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 127–141; *Кунцова И. В.* «Образ врага» в сознании художественной интеллигенции в годы первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 276–287; *Коченасова Т. Ю.* Психоневрозы войны в начале 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 399–411; Военно-историческая антропология. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007; Первая мировая война: история и психология : материалы Российской научной конференции. СПб., 1999.

⁴² *Караяни А. Г.* Психология войны: постановка проблемы с позиции военно-исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 41.

⁴³ Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции. СПб., 1999.

и в которой теперь предстояло жить европейскому человеку»⁴⁴. Более того, именно Первая мировая война ввела в социальный мир принципы тотальности: тотальное разрушение, тотальное господство, тотальные идеологии, тотальную дегуманизацию и положила конец рационалистическому оптимизму⁴⁵.

Изучение психологических проблем, вызванных Первой мировой войной, привело исследователей к выводу о всеобщем пессимизме, господствовавшем в русской армии, который неуклонно нарастал по мере удаления линии фронта⁴⁶.

Это подтверждают и слова военного атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны, генерала А. Нокса, записанные в его воспоминаниях: «Дух русской армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других миллионных армий. Многие выдающиеся начальники настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец все может. Это естественное, но не здоровое явление. Среди солдатской массы много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые меры и наказания мало действительны»⁴⁷.

Применение концептуальных подходов психологии в исследовании одного из важнейших составляющих русской армии — ее боевого духа — позволило В. А. Артамонову прийти к выводу о том, что народ отправился на Первую мировую войну «без идеи Родины и веры в правду дела»⁴⁸. В высшем обществе существовало убеждение в неисчерпаемости боевого духа русской армии, несмотря на противоречивость военного воспитания, теории боя, построенной на «недопустимо расточительном расходовании крови»⁴⁹. По мнению исследователя, данные проблемы стали ключевыми в общем процессе падения боевого духа армии в ходе Первой мировой войны и ее последующего распада.

---

⁴⁴ Солонин Ю. Н. Опыт войны: от впечатления к метафизике // Первая мировая война: история и психология. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Куликова О. Ю., Куликов Ю. Н. Настроения русской армии и тыла в Первой мировой войне // Первая мировая война: история и психология. С. 60.

⁴⁷ Цит. по: Первая мировая война: история и психология: Материалы Российской научной конференции. С. 59.

⁴⁸ Артамонов В. А. Боевой дух русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 142.

⁴⁹ Там же. С. 142.

Безусловно, это не отменяло многочисленных примеров доблести и героизма и солдат, и офицеров на этой войне. Однако «общая дряхлость режима не могла наполнить их силой»⁵⁰. Ситуацию усугубляли отступления, массовые сдачи в плен и дезертирство, поголовное награждение рядовых Георгиевскими крестами. Последней каплей стало свержение самодержавия в 1917 г., что привело к провалу июньского наступления и окончательному разложению армии.

Таким образом, исследование боевого духа русской армии в XV–XX вв. свидетельствовало о невозможности предотвращения ее краха вследствие Первой мировой войны.

Серьезной проблемой стали патологии психического состояния населения. Психопатологическое состояние русской армии в Первую мировую войну исследовал А. Б. Асташов⁵¹. Отметив особое значение этой войны для русского воина как первой современной войны «нового типа», он пришел к выводу о неготовности российского общества и самого русского солдата к такой войне, прежде всего «в силу несовпадения культурной организации общества и характера войны»⁵².

Результатом этого стал культурный шок, который испытали миллионы солдат и офицеров, оказавшихся на фронте, что закономерно отразилось на ходе военных действий.

Пристальное внимание А. Б. Асташов обратил на трансформацию сознания, которой подвергалась личность военного при выходе из шоковой ситуации, выяснению характера и силы влияния военного опыта как фактора деформации личности, полученного в шоковой ситуации, с которым он вернулся домой, изучению связи специфики положения человека на фронте как носителя пограничных состояний с его ролью в последующих революционных событиях.

Исследование поведенческой культуры военных русской армии в период Первой мировой войны с помощью исторических методов, методов антропологии, с одной стороны, и использование достижений медицины в исследовании психоневрозов — с другой, привели автора к целому ряду нетривиальных выводов.

В ходе Первой мировой войны резко выросло число душевнобольных. К 1915 г. они составили 0,5 % от общего числа призванных (около

⁵⁰ Артамонов В. А. Указ. соч. С. 142.

⁵¹ Там же. С. 268–281.

⁵² Там же. С. 268.

50 тыс. чел.)⁵³. В русской армии оказалось намного больше душевнобольных в пограничных состояниях, чем в мирное время, по сравнению с западными армиями. Это означало, что подвергшиеся на фронте различным видам психозов оставались в армии, считаясь здоровыми. По мнению А. Б. Асташова, если бы учитывались все здоровые с пограничными психическими расстройствами, то встал бы вопрос о боеспособности русской армии⁵⁴.

Однако исследователь не погружается полностью в медицинские термины, а обращает внимание на необходимость изучения реакции личности на обстоятельства, поскольку именно личность стоит «у истоков психогенных реакций», что в конечном счете позволит определить социальную составляющую патопсихологической реакции, важную для историка⁵⁵.

Влияние на психологическое состояние оказывал ряд факторов: специфика военных действий (позиционная война, новые виды оружия, громадные потери, протяженность фронта и т. д.), качественно иной состав армии по сравнению с мирным временем. Последнее имело особое значение, поскольку в результате проведенной впервые в России всеобщей мобилизации в строю оказались все призывные возраста и состояния, что предполагало широкое включение в состав армии психопатологически предрасположенных.

Характеризуя качественный состав русской армии, А. Б. Асташов указывает на особый традиционалистский менталитет рядового солдата русской армии, обращая внимание то, что на 80 % она состояла из крестьян, для которых эта форма мировоззрения предполагала неразрывность их связи с родиной, семьей, домом. Начавшаяся война с ее новыми формами подрывала принципы крестьянской ментальности. Это вызывало рост психогенных реакций, что, в свою очередь, являлось особенностью Первой мировой войны. Именно психогенные реакции в значительной мере определили склонность индивидов к агрессии. Специфика военной ситуации определила такую ее форму, как неподчинение властям, убийства и т. д. В условиях революционной ситуации они переходили в неконтролируемую стадию

---

⁵³ Асташов А. Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 269.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 270.

аффективных состояний. Психосоциальный стресс стал условием для изменения социальной среды. Этапами выхода из стресса стали окончание войны, революция, Гражданская война, строительство нового государства⁵⁶.

Между тем во время Второй мировой войны количество депрессий уменьшилось. Исследователь объясняет это именно трансформацией менталитета, произошедшей в ходе кардинальных модернизационных процессов — коллективизации и индустриализации и завершившейся к началу новой мировой войны. В результате солдат советской армии стал иным: вышедший из крестьян и рабочих, он уже оторвался от малой родины, пройдя этапы социалистического строительства, для которого были характерны перемещения по стране, иной ритм и темп масштабного индустриального производства⁵⁷.

Таким образом, по мнению А. Б. Асташова, Первая мировая война явилась для русской армии психосоциальным стрессом, культурным шоком такой мощности, примеров которому в истории не было⁵⁸.

Тему продолжает Т. Ю. Кочepasова, исследуя психоневрозы войны начала 1920-х гг.⁵⁹. Они рассматриваются как социальная болезнь, своеобразие которой — конфликт, содержащий в себе основные противоречия исторического времени⁶⁰. Основываясь преимущественно на медицинских материалах — клинических исследованиях, она показывает типичные для этого времени невротические нарушения личности, связывая их с историческим моментом.

К примеру, во время Первой мировой войны происходит рост числа душевной заболеваемости среди женщин. Т. Ю. Кочepasова объясняет это непосильной нагрузкой, которая обрушилась на них вследствие ухода мужчин на фронт, длительности военного конфликта и необходимостью заботы о семье и просто выживании.

По мнению исследовательницы, характер невротических расстройств зависел от особенностей эпохи: мировая война, революции, голод создавали ситуацию, несовместимую с возможностью нормального существования. Наибольшее распространение в армии получают

---

⁵⁶ Асташов А. Б. Война как культурный шок... С. 278.

⁵⁷ Там же. С. 272.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Кочepasова Т. Ю. Психоневрозы войны в начале 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. М., 2005. С. 399–411.

⁶⁰ Там же. С. 399.

травматические психозы. Клиническую картину усугубляют сопутствующие заболевания войны, ранения, физические травмы. Позже к ним присоединяется психоз истощения как следствие разразившегося голода, инфекционный психоневроз, явившийся следствием эпидемий тифа, холеры, испанки, сифилиса и т. д., а также интоксикационные психозы, связанные с распространением алкоголизма и наркомании.

Массовое распространение невротических расстройств усугубляло социальную катастрофу. Кроме того, участие в Первой мировой войне могло оказаться социально наказуемым. По мнению Т. Ю. Кочepasовой, одной из форм компенсации психоневрозов войны стало политическое поведение⁶¹.

Психологии русского офицерства в Первую мировую войну посвящено исследование Н. А. Копылова. Однако основное внимание автора обращено на социальную составляющую облика русского офицера Первой мировой войны. Характеризуя большие потери офицерского состава уже в первый год войны и особенности вынужденной ускоренной подготовки новых офицеров, он пришел к выводу о качественно изменившемся офицерском корпусе: практически истребленный старый кадровый состав был заменен новым, выпущенным с краткосрочных курсов. Получив лишь азы военной подготовки, офицеры приходили на фронт плохо подготовленными⁶². Новые офицеры не были знакомы с офицерскими традициями и культурой, большинство из них не принадлежало к дворянскому сословию. Все это приводило к неприятию их кадровыми офицерами, возникновению конфликтов и как следствие — ухудшению боеспособности армии.

Одним из последствий войны стала феминизация вооруженных сил⁶³, широко проявившаяся в ходе Первой мировой войны на русском фронте.

Несмотря на то что привлечение женщин на театр военных действий имело место уже со второй половины XIX в. (в Крымскую и Русско-турецкую войны), именно начало XX в. характеризуется возрастанием

⁶¹ Кочepasова Т. Ю. Указ. соч. С. 409.

⁶² Копылов Н. А. Социально-психологический портрет русского офицерства в годы Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 133.

⁶³ Феминизация (от лат. *femina* — женщина) вооруженных сил — противоречивый, многофакторный процесс изменения профессионального статуса, роли и места женщин в воинских подразделениях, органах военного управления и среди гражданского персонала армии и флота.

удельного веса женщин в армии и расширением их деятельности. Эти тенденции довольно ярко проявились в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и особенно в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. С ее началом женщины активно включились в оказание помощи милосердной российской армии через Красный Крест и общины. Массовое и активное участие российских женщин в войнах является историческим феноменом, исследование которого получило освещение в работах, основывающихся на гендерном подходе в военной антропологии⁶⁴.

Его применяет Ю. Н. Иванова при изучении роли женщин в отечественных войнах и приходит к выводу, что причины феминизации вооруженных сил заключались как в социально-общественной ситуации, так и в потребности самого военного ведомства⁶⁵.

Кроме того, мобилизация мужчин в армию привела к катастрофической нехватке рабочих рук в тылу, что, в свою очередь, впервые в истории вызвало необходимость масштабного применения женского физического труда. В результате это осложняло социальную, психологическую, экономическую и политическую ситуацию в стране.

Основываясь на идеях гендерного подхода, «мужской» фактор в Первой мировой войне исследует А. Б. Астахов, рассматривая его с точки зрения сексуального опыта русского солдата. Он приходит к выводу о сексуальной революции, произошедшей во время Первой мировой войны, которая, в свою очередь, стала частью социальной революции 1917 г.

Сексуальный опыт породил новые сексуальные ожидания солдат, повлиял на формирование новых сексуальных представлений. Это, в свою очередь, привело к стремлению перестроить свой семейный статус, что в прежних условиях было уже невозможно: «Это можно было сделать только на путях широкого социального реформаторства»⁶⁶. Война обнажила и сексуальные противоречия консервативного мышления солдат-крестьян, которые были ликвидированы в ходе революции, сломавшей «общественно-политический строй, являвшийся частью системы, блокировавшей сексуальную энергию, и направившей

---

⁶⁴ *Иванова Ю. Н.* Женщины в войнах отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 346–356; *Астахов А. Б.* Сексуальный опыт русского солдата на первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2007. С. 367–382.

⁶⁵ *Иванова Ю. Н.* Указ. соч. С. 354.

⁶⁶ *Астахов А. Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира. 378.

ее на формирование малой семьи в рамках большого индустриального производства»⁶⁷. Сексуальная революция стала одним из катализаторов общественной реформации, наметившейся уже в ходе войны и продолжившейся впоследствии во время череды социально-политических потрясений, обрушившихся на Россию в 1917–1922 гг.

Таким образом изучение современными российскими историками гуманитарных проблем, возникших в ходе Первой мировой войны, свидетельствует о комплексном кризисе Российской империи начала XX в. Применение новых методологических подходов и концептуальных конструкций позволило большинству исследователей прийти к выводу, что война обнажила проявления кризиса и ускорила необходимость преобразований. Однако если при ее отсутствии еще был возможен эволюционный путь преобразования общества, то начало и ход военных действий исключили эту возможность. Исследования показали, что проблемы гуманитарного плана оказались непосильными не только для государственного аппарата, но и для всего общества.

---

⁶⁷ Там же.